

МАТТИАС РОЗЕМОНД

Девушка
с кувшином молока

Москва

> МАТИС ТРАЛЪ >

МАТТИАС РОЗЕМОНД

Девушка
с кувшином молока

Москва

УДК 821.112.5-31
ББК 84(4Нид)-44
Р64

Matthias Rozemond
MELKMEISJE

Melkmeisje © 2023 by Matthias Rozemond
Originally published by Uitgeverij Luitingh-Sijthoff B.V.,
Amsterdam
All rights reserved.

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с голландского *Галины Бабуровой*
Художественное оформление *Натальи Портяной*

Роземонд, Маттиас.

Р64 Девушка с кувшином молока / Маттиас Роземонд ; [перевод с голландского Г. Бабуровой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-211911-8

«Роземонд обладает великим талантом возвращать читателя в прошлое. Очень немногие писатели могут сделать это так убедительно».

«Девушка с кувшином молока» — исторический роман о Яне Вермеере — Вермеере Делфтском, одном из величайших живописцев своего времени.

Как и роман Трейси Шевалье «Девушка с жемчужной сережкой», в нем рассказ о создании картины «Девушка с кувшином молока», но основная интрига закручена вокруг совсем другой картины — «Сводня».

Маттиас Роземонд погружает нас в атмосферу Голландии XVII века, повествует о жизни в Делфте: о религиозных противоречиях, о любви Яна Вермеера и Катарины, в романе расследование служанки Таннеке, портрет которой в синем фартуке мы видим на картине «Девушка с кувшином молока».

Вам откроется жуткая семейная тайна и непременно захочется увидеть эти картины, рассмотреть всех действующих лиц.

УДК 821.112.5-31
ББК 84(4Нид)-44

ISBN 978-5-04-211911-8

© Бабурова Г. Ю., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Посвящается Рэйчел

Каждая истина проходит через три стадии: сначала ее высмеивают или вырывают из контекста, затем ей сопротивляются и, наконец, принимают как само собой разумеющееся.

Артур Шопенгауэр (1788–1860)

Пролог

ТАННЕКЕ

Февраль 1657 года

Ледяной февральский день; рынок почти пустой.

Неудивительно, ведь на улицах белым-бело после прошлого снегопада, а потемневшее небо, похоже, готовится выдать новую порцию снега. Поднимаю воротник и, оскальзываясь, перехожу на другую сторону. Мне нужно набраться храбрости, чтобы зайти на постоялый двор — впервые в жизни.

Едва переступаю через порог, как кто-то вопит, чтобы закрыли уже наконец эту чертову дверь.

Внутри воздух сизый от дыма. Приглядевшись, вижу нескольких мужчин за игрой в кости. Две служанки разносят пиво от столика к столику. Мельком взглянув на меня, они сразу понимают, что я здесь чужая, и возвращаются к работе. Третья девушка как раз ставит кружки на стол. Один

из игроков тянет ее за руку и усаживает себе на колени. Девчонка визжит. Вся компания разражается одобрительным ревом.

«Мехелен» — постоянный двор, где, судя по слухам, продают не только пиво и колбасу. Здесь можно купить и любовь — точнее, то, что за нее выдают, — и лотерейный билет. Если захочется, можно даже заглянуть в будущее: здесь погадают любым способом — хоть по ладони, хоть по запасливо прихваченной с собой бутылочке с мочой. В Делфте «Мехелен» известен каждому.

Я пришла посмотреть на картины — здесь и такое можно приобрести. Не сразу нахожу место, где они висят. Вон там, слева, за плотными рядами спин и плеч.

Неужели я вот-вот своими глазами увижу картину Яна? Смотри-ка, вот и Белый Медведь! Пес подходит меня обнюхать. Его так зовут — Белый Медведь, что, конечно, больше говорит о семействе Яна, чем о самом звере. Псина совершенно безобидная, разве что огромная, как медведь.

Парень за последним столиком чуть разворачивается, не отрывая взгляда от карт, и кладет ножичку в сапоге со шпорой на соседнюю табуретку, загораживая мне проход. Я подхожу вплотную. Только теперь он удосуживается поднять на меня глаза.

— Куда это ты так спешишь, красавица, к тому же совсем одна?

У кавалера лысая черепушка и обвислые красные щеки.

Неужели придется стерпеть такой гадкий тон? Вы только полюбуйтесь: едва пробило полдень, а эти дармоеды уже глаза залили. Играют и пьют вместо того, чтобы делом заняться, как все приличные люди.

Можно, конечно, сбросить его ногу и молча пройти мимо, только выпивоха — кстати, интересно, откуда он; по выговору вроде как с востока страны — продолжит в том же духе: потащится за мной, и хорошо, если один, а то и приятелей прихватит. Наверняка сочтет, что я его задираю.

Нет уж, у меня на обед всего полчаса, каждая минута на счету, так что лучше распорядиться ими с умом.

Сначала вежливо попрошу пропустить, а будет приставать — обойду кругом, да и все.

Сосед разговорчивого болвана вынимает трубку изо рта и выпускает облачко дыма.

— Герт! — Гляди-ка, у пьянчуги даже имя есть. — Ты ходить собираешься?

Иначе напарник грозит зачесть Герту проигрыш. Двое других встречают угрозу одобрительным гулом.

Лысый выпивоха задумчиво смотрит на три ромба и дощечку с мелом на столе, в конце концов откладывает карты и встает. Он выше меня на целую голову. Боже милостивый, как же от него несет потом и мочой!

Отвожу глаза в сторону и вежливо прошу меня пропустить. Вместо этого пьянчуга кладет голову

мне на плечо и скороговоркой спрашивает, можно ли составить мне компанию и хватит ли мне гильдена. С трудом освобождаясь из его объятий, велю приберечь свой гильден и убрать от меня лапы, но Герт просто так не сдается.

Едва я поворачиваюсь, чтобы обойти столик, он хватает меня за накидку и тянет к себе. Трое других наблюдают, не вмешиваясь. Даже Белый Медведь не залает!

Герт смотрит на меня пустым взглядом и ухмыляется, словно ему самому любопытно, чем дело кончится.

Вокруг стихают разговоры. Эх, а до картин оставалась всего пара шагов!

Герт называет меня злоюкой. Что ж, это он правильно угадал. К щекам приливает кровь. Ладно, сам напросился. Подступаю ближе и, не отводя взгляда, прошу пропустить меня по-хорошему.

— Сдается мне, ты с Белым Медведем еще не познакомился? Стоит мне закричать, — а я закричу, будь уверен, — он на тебя набросится, сам рад не будешь!

— С каким еще Медведем? Ты про псину, что ли? — Герт недоверчиво косится на пса.

— Это не просто собака, а волкопес! Спорим, через четверть часа тебя отсюда вынесут?

Пьянчуга неловко усмехается.

— Да ну?

— Мишка, подтверди! — Оборачиваюсь к псу, который с озадаченным видом садится на за-

дние лапы. До чего здоровенная все-таки животи́на!

Приятели Герта хихикают и подталкивают друга локтями. Тот в раздумьях гладит трехдневную щетину.

— Ты меня, что ли, псиной пугаешь?

Я упираю руки в бока.

— Глянь-ка, твои приятели будут рады-раदेशеньки, если тебя наконец-то проучат, а ты сейчас просто по краю ходишь!

Пьянчуга озирается на свой столик, его пыл заметно поугас.

— Оставь девчонку в покое, — ворчит один из игроков. — Давай лучше сыграем еще партеечку!

Герт, хохотнув, переводит взгляд со своих собутыльников на меня, а затем на пса, прикидывая шансы.

— Ладно, дамочка, меня тут друзья заждались...

Остальные оправдания тонут во взрыве хохота.

С облегчением пробираюсь дальше. Первое препятствие пройдено, но картины от меня по-прежнему заслоняет ряд спин и плеч.

Приходится почти кричать, чтобы меня пропустили, однако мой голос теряется за кошачьим визгом волынки. Эти ребята меня не замечают. Приподнимаюсь на цыпочки — не помогает, осторожно хлопаю одного из зрителей по плечу. Ко мне оборачивается удивленная физиономия

с перебитым носом, к тому же зубов во рту не хватает.

— Пропустите девицу! — ревет он.

Остальные расступаются. Надо же, помогло!

Просачиваюсь между парнями. Одно хорошо: в этом гвалте никто меня не узнает. А я-то еле втиснулась в одежду матушки и платок под чепец повязала! Можно было и не утруждаться.

Здесь еще больше несет пивом и мужским потом.

И вот я стою перед полотном. Господь милосердный, до чего же огромная картина! Когда Ян только успел? Обычно он зимой почти не пишет, а тут умудрился окончить такую громадину! Сколько же месяцев он просидел в мастерской наверху, после того как теща запретила ему показываться на пороге?

Увы, слухи оказались правдивы. Ян и вправду написал сцену из жизни борделя: справа продажная девица с клиентом, слева — сводня.

Зрители позади меня единодушны:

— Совсем стыд потерял!

— Грязный католический ублюдок!

— Никакой морали, куда мир катится!

Самое ужасное, что они правы. Неужели Ян окончательно спятил?

Картину повесили только позавчера, а слухи о ней уже расползлись по всему городу. Мне нужно было посмотреть на нее своими глазами и убедиться, что дельфтские сплетники, как обычно,

не раздувают из мухи слона. Увы, на этот раз Ян действительно навлек позор на свою голову.

Кстати, он и себя изобразить не погнушался: вон там, в левой части картины, в камзоле с разрезами на рукавах. Ни дать ни взять итальянский трубадур, что кочует из города в город. Ошибки быть не может, его лицо слегка скрыто в тени, но это Ян собственной персоной — его нетрудно узнать по кривой ухмылочке и длинным кудрям. И как же он себя изобразил? Поднимающим тост за счастливую парочку, ни больше ни меньше. Меня толкают сзади, на накидку льется пиво. Нет уж, я с места не сдвинусь, хочу разглядеть все как следует!

Отчасти я пришла сюда именно за этим. Вторая причина прячется в потемках и носа не высывает. Я смотрю на то, чего не хочу видеть.

Сводня, обряженная в черное платье, не нарадуется монете, которую клиент сует своей девице. Второй рукой развратник хватается девушку за грудь. Господи, уж это совсем ни в какие ворота! Бедняжка стоит красная, словно рак.

Чуяло мое сердце! Неужели это правда она?

Сентябрь 1657 года

Кат совсем рядом — напротив, через дорогу от рынка, в девяноста двух шагах или полутора минутах ходьбы. Стоит взгляду скользнуть поверх липовых крон мимо фасада Новой церкви — и вот он, тот самый дом. Чердачное окошко приоткрыто. Мы могли бы помахать друг другу.

Примерно в это время малышку Элизабет кормят кашей. Марии достается пара кусочков яблока, которое Кат чистит ножом, пытаясь снять кожуру одной длинной лентой. В случае удачи Мария радостно хлопает в ладошки, но получается довольно редко, потому что Кат действует неторопливо и старается срезать кожуру потоньше. Мария с набитым ртом спрашивает обо мне, а Кат в надежде, что расспросы прекратятся, спокойно отвечает, что я обязательно сегодня к ним загляну. Марии всего три, но она умеет видеть правду в почти прозрачных глазах матери. Девочка снова